

На правах рукописи

Кобылко

Кобылко Ярослав

**РУССКАЯ И ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ
ТЕРМИНОСИСТЕМЫ
(по материалам современной лексикографии и текстов СМИ)**

Специальность: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2019

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: доктор филологических наук 10.02.01, доцент **Валентинова Ольга Ивановна**, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук 10.02.19, профессор **Киров Евгений Флорентович**, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

доктор филологических наук 10.02.01, профессор **Никитин Олег Викторович**, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета

кандидат филологических наук 10.02.20, **Чернышев Алексей Борисович**, старший переводчик ЗАО "ВолгаЭро" (г. Рыбинск); старший преподаватель кафедры культурологии института филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

Защита состоится 25 октября 2019 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0500.001 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 2 "А", ауд. 728.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-информационном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: <http://vak2.ed.gov.ru> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «24» сентября 2019 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

С.Г. Коровина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время политология, как относительно новая отрасль научного знания, не обладает солидной терминологической базой и до сих пор не имеет структурированного терминологического аппарата с общепринятыми словарными дефинициями. Имманентным свойством политологической терминологической системы является ее аморфность, которая обуславливается общедоступностью политического знания, идеологическими факторами, свойственными текущей политической ситуации, активным взаимодействием со средствами массовой информации.

Исследование посвящено изучению особенностей становления и соотношения русских и польских политологических терминосистем.

Гипотеза исследования состоит в том, что системное сопоставление русской и польской политологической терминологии основывается на учете генетического родства языков, типологических сходств и различий, культурных и идеологических расхождений России и Польши.

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости уточнения содержания новейших стихийно образующихся и функционирующих в недостаточно структурированной терминосистеме политологических номинаций, особенно учитывая тот факт, что лексикографическое описание не указывает на расхождения идеологизированных значений в политологической лексике русского и польского языков.

Политологические терминосистемы двух родственных славянских языков – русского и польского, сохранивших типологическое сходство, в ходе исторического развития оказались и продолжают пребывать под влиянием разных культурных стимулов и в сфере исторически сложившихся конфликтных политических отношений.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что впервые устанавливаются принципы выявления соответствия/несоответствия значений политологических терминов в процессе изучения терминосистем двух близкородственных языков. На политологическом языковом материале обеих формирующихся терминосистем обнаруживаются регулярно возобновляемые контекстуальные значения новых, лексикографически незафиксированных единиц, например, *арабская весна, цветная революция, оранжевая революция, майдан, зеленые*, и появление особой лексики, которая в ходе стремительно меняющихся политических событий сформировала вторичные – иногда противоположные по характеру оценки – идеологизированные значения: *санкция, мигрант, беженец, либерализм, феминистки* и др.

Объектом исследования является русская и польская политологическая терминология, зафиксированная в современной лексикографии и функционирующая в текстах СМИ.

Предмет исследования составляют особенности формально-грамматического и семантического соотношения русской и польской политологической терминологии, обусловленные общим происхождением и типологическим сходством русского и польского языков, с учетом исторически сложившихся культурных и политических расхождений России и Польши.

Теоретической основой исследования послужили работы:

– *по терминоведению*: Г.И. Ахмановой (1972), А.Н. Баскова (1961), В.П. Даниленко (1977), Г.О. Винокура (1936), Т.Л. Канделаки (1977), В.М. Лейчика (1979, 1983), Д.С. Лотте (1961), Г.П. Мельникова (1991), А.А. Реформатского (1986; 1959), А.А. Суперанской (2012), I. Bajerowa (1973), J. Lukszyzna (2006), I. Masara (1976), M. Mazura (1961), A. Reya (1979), J.C. Sagera (1979), M. Szymczaka (1979), W. Zmarzer (2006) и др.;

– *по сопоставительному языкознанию*: В.Г. Гака (1977), В. фон Гумбольдта (1984), А.Е. Кибрика (2012), А.С. Мамонтова (2010), Г.П. Мельникова (1973, 2000, 2003), Н.С. Найденовой (2014), Ю.А. Рылова (2006), Е.Б. Ройзенблита (1965), Ю.С. Степанова (1985) и др.;

– *по сопоставительной лексикологии*: Р.А. Будагова (1965), В.Г. Гака (1977), В. Дорошевского (1973), В.Н. Манакина (2004), И.С. Найденовой (2014), и др.;

– *по славистике*: Т. Лер-Сплавиньского (1954), А. Мейе (1988), М.Л. Ремневой (2004), А. М. Селищева (1941), Н.С. Трубецкого (1987, 1995), Г.А. Хабургаева (1974), А.В. Широковой (1994), R. Długosz-Kurczabowa (1993), Z. Klemensiewicz (1974), W. Mańczaka (1983), S. Rosponda (1971), Z. Stiebera (1966), T. Skubalanki (1984) и др.;

– *по лексической семантике*: Ю.Д. Апресяна (1995), Н.Д. Арутюновой (1988), Ш. Балли (1955), А.Е. Бочкарева (2014), А. Вежбицкой (1996), Л.А. Новикова (2001), Ю.С. Сорокина (1965), А.А. Уфимцевой (1974), Д.Н. Шмелёва (1977) и др.

Материалом исследования послужили российская и польская политологическая лексикография (А.А. Мустафин 2012, И.И. Санжаревский 2010, С.С. Филимонов 1926, В.Ф. Халипов 1991, D. Bartoszewicz 1923, J. Wasiluk 2012, W. Zmarzer 2012¹, и др.); национальные корпуса русского и польского

¹ Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: АГТА, 2012. – 168 с.
Санжаревский И.И. Политическая наука: Словарь-справочник. – М.: Политология, РГУ, 2010. – 745 с.
Филимонов С.С. Справочный коммерческий словарь. – М.: Издание ЦентроСоюза, 1926. – 349 с.
Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба: Словарь. М: Луч, 1996.– 271 с.
Bartoszewicz D. Podreczny slownik polityczny. Warszawa 1923. – 832 s.

языков; тексты современной российской и польской публицистики представленные в ведущих российских и польских средствах массовой информации, тематика которых направлена на международную политику: «Российская газета», «Известия», «Эксперт», «Wpolityce», «Rzeczpospolita», «Wyborcza»² и др.

Принцип отбора материала позволил определить формально-грамматические и семантические соответствия/несоответствия политологической лексики в русском и польском языках, выделить новейшую стихийно возникающую терминологию, связанную с современными политическими событиями, на значения которой влияет идеологизация и политическая направленность отдельных государств, и одновременно отследить появление слов и словосочетаний, имеющих высокий потенциал стать политологическими терминами.

Цель исследования состоит в выявлении принципов соотнесения политологических лексических единиц и их значений в русских и польских терминосистемах.

Сформулированная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

– выявить особенности политологической терминологии, обусловленные характером политологии как науки, и соотнести политологическую терминологию с формальными требованиями, предъявляемыми к термину;

– уточнить соотношение понятий «политическая лексика» и «политологическая терминология»;

– определить особенности политологической терминосистемы в сравнении с терминосистемами других наук и место политологической терминологии в системе общенационального и специального языков;

– отследить принципы соотнесения политологических понятий, которые в обеих

терминосистемах обозначаются: а) лексемами с общеславянскими корнями;

б) терминологическими парами, образуемыми одинаковыми лексемами, заимствованными из европейских языков;

– в русском языке выделить политическую лексику с заимствованными корнями, которая через польское посредничество повлияла на русский словарный состав, сравните: *мещанство/mieszczachstwo*, *духовенство/duchowieństwo*, *обыватель/obywatel* и др., и сопоставить семантику этих единиц в русском и польском языках;

Wasiluk J., Zmarzer W. Rosyjsko-polski słownik terminologii politycznej. Warszawa 2011. – 189 s.

² URL: rg.ru, iz.ru, expert.ru, <https://wpolityce.pl>, <https://www.rp.pl>, wyborcza.pl

– выявить не имеющую устоявшихся дефиниций новейшую стихийно возникающую терминологию, установить расхождения контекстуальных значений по российским и польским текстам средств массовой информации, определить ее место в политологических терминосистемах русского и польского языков;

– методом ассоциативного эксперимента верифицировать результаты, полученные в ходе выявления контекстуальных значений;

– предложить принцип лексикографического описания политологической лексики, поддающейся идеологизации в русском и польском языках.

Методы исследования терминологии двух родственных типологически подобных языков требуют использования сопоставления как основного метода, в том числе сравнения результатов, полученных в ходе применения других методов: формально-грамматического, семантического, контекстуального анализов и ассоциативного эксперимента.

Исследование контекстуальных значений слов в публицистическом пространстве в сопоставлении с ассоциативным экспериментом дало возможность изучить прагматические свойства актуальной политологической лексики.

Положения, выносимые на защиту:

– политологическая терминология и терминосистема обладают неустойчивостью не только в силу молодости самой политологической науки, но и в силу ее общедоступности, взаимодействия с ненаучными областями и склонности политологических понятий к идеологизации;

– неустойчивостью политологической терминосистемы предопределяется объективно неизбежная диффузность понятий «политическая лексика» и «политологическая терминология»;

– лингвистические особенности соотнесения русских и польских политологических терминосистем определяются общностью происхождения и типологическим подобием славянских русского и польского языков; экстралингвистически обе терминосистемы отмечены исторически разошедшимися культурными стимулами и политической конфликтностью России и Польши;

– типологическое подобие русского и польского языков обеспечивает образование и актуализацию русской и польской политологической терминологии по сходным словообразовательным моделям, включая аббревиацию;

– несовпадения на уровне понятия русских и польских политологических лексем со славянскими корнями, например: *изба* – *izba*, *посол* – *poseł*, *чиновник* –

czupownik и др., вызывают ошибочные ассоциации у носителей родственных языков и демонстрируют сдвиг системы обозначений общеславянской лексики;

– в русско-польских терминологических парах, образуемых лексемами, заимствованными из западноевропейских языков, сравните: *консул* – *konsul*, *устеблишмент* – *establiszment*, *парламент* – *parlament* и другие, значения совпадают и проявляется важное свойство терминов – интернациональность. В данной лексической группе закрепляются требования, предъявляемые к термину;

– стихийно складывающаяся терминология представляет собой фонд специализированных номинаций, но не обладает особенностями, характерными для строгих терминосистем, – точностью и выстроенными значениями;

– контекстуальные значения стихийно образующихся терминов, подтвержденные результатами ассоциативного эксперимента, фиксируют изменения, происходящие в общественном сознании, и определяют направление дальнейших семантических преобразований.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке принципов соотнесения политологической терминологии близкородственных языков, уточнении семантики русской и польской политологической терминологии, на которую влияют культурные и политические стимулы российского и польского государств. Выявление значений подразумеваемого содержания дает возможность представить предварительную дефиницию стихийно сложившейся терминологии, фонды обозначений которой выделяются из общего словарного состава.

Практическая ценность. Результаты исследования можно использовать для разработки двуязычных русско-польских и польско-русских политологических словарей, в которых будут уточнены содержание понятий, лингвистические особенности соотнесения членов терминологической пары. Материалы диссертации могут найти применение в лекционных курсах по сравнительной лексикологии, сравнительно-типологическому языкознанию, теории и практики перевода, славяноведению и межкультурной коммуникации.

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на заседаниях кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН, на заседаниях научного семинара «Филологическая герменевтика» и аспирантских семинарах. Результаты исследования докладывались на международных конференциях: IV Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» (Пенза: Пензенский государственный университет, 2016 г.); Международной научно-практической конференции молодых ученых «Языки. Народы. Культуры» (Москва: РУДН, 2017 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются его объект и предмет, формулируются его цели и задачи, обосновываются применяемые методы, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрываются теоретическая ценность и практическая значимость работы.

В **первой главе «Теоретические проблемы изучения политологической терминологии»** дается характеристика особенностей политологической терминологии, обусловленных свойствами политологии как науки; обсуждаются предлагаемые терминоведами дефиниции «термина» и предъявляемые к терминам формальные требования, такие как: точность, краткость, однозначность, международность, системность³, исходя из этого уточняется соотношение понятий «политическая лексика» и «политологическая терминология»; определяются особенности недостаточно структурированной политологической терминосистемы в сравнении с терминосистемами точных наук, уточняется место политологической терминологии в системе общенационального и специального языков. Не имеющая строгих дефиниций новейшая политическая лексика, возникающая как реакция на текущие политические события, рассматривается как стихийно складывающаяся терминология.

Сфера политики содержит и использует результаты той или иной познавательной деятельности, формы знаний, но это не позволяет поднять саму политику до уровня особого отдельного знания и особой области познания. Развитие многопартийности, политического плюрализма и особых отраслей научных исследований, занимающихся изучением политики, сформировало в 80-х годах XX века в Восточной Европе одну из самых молодых общественно-гуманитарных научных дисциплин – политологию⁴.

Политология – это единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата⁵, а не на специалистов в этой сфере. Политологическая терминология, чаще всего через средства массовой информации, становится доступной для всех членов языкового сообщества, при этом строгость лингвистических требований к термину часто не соблюдается.

³ Lukszyn G. Teoretyczne podstawy terminologii. Warszawa: UW, 2006 – С. 90.

⁴ Халипов В.Ф. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. — М.: Луч, 1996. – С. 120.

⁵ Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса. Единицы языка и их функционирование. -Вып. 6.- Саратов, 2000.

Отсюда вытекает диффузность понятий «политологическая терминология» и «политическая лексика». Тем не менее для разграничения «политологической терминологии» и «политической лексики», по нашему мнению, необходимо различать лексемы, выступающие в строгом употреблении: *вето, парламент, вотум, закон, президент, министерство, монархия* и др. – и те, которые в устоявшихся контекстах приобретают оценочную функцию, например: *феминизм, либерализм, власть, санкция, бюрократия, майдан, революция*, и потому не удовлетворяют всем требованиям, предъявляемым к термину. Однако путем терминоведческого анализа, классификации понятий и дальнейшему уточнению дефиниций данная лексика постепенно терминологизируется и достигает уровня терминосистемы.

В отличие от выстроенных терминосистем точных наук – особенно химии, словарный запас которой соответствует всем чертам термина, политологическая терминология активно взаимодействует с другими науками, является открытой, слабо структурированной системой, которая постоянно развивается, пополняется и видоизменяется.

Обыденные смыслы проникают в терминологию, несмотря на то, что термины любой научной дисциплины противопоставлены общеупотребительным словам. В отличие от более специализированных терминосистем политологическая терминология высокочастотно обиходывается и сближается с фондом общеупотребительной лексики. Проблемы политологической терминологии невозможно решать в отрыве от общелексикологических и лексикографических проблем и повседневности, в которой функционируют политологические термины.

Вслед за Г.П. Мельниковым, мы понимаем *термин*, как «единство элемента внешней стороны – уровня «лексиса», – как правило, это лексема обычного словарного фонда, – с определенным элементом внутренней стороны – с элементом «логоса», т.е. понятием понятийного поля научной дисциплины»⁶.

Для термина немаловажным является его внутренняя (понятийная) сторона. Основной отличительной чертой политологической терминологии оказывается то, что она постоянно попадает под влияние различных культур и политических конфликтов, что непосредственно отражается на семантике идеологизированных понятий. Динамичное развитие политологических знаний приводит к интенсивному образованию дополнительных значений, а политологический тезаурус национальных языков активно обновляется.

Специальные слова-термины становятся хранителями фрагмента информации, они должны быть основаны на дефиниции, которая сможет

⁶Мельников Г.П. Основы терминоведения – М.: Изд-во РУДН, 1991. – С. 6-11.

обеспечить ценность в особой понятийной системе. Требование системности относится к понятиям, а также к дефинициям, отражающим эти понятия. Полагая, что каждый термин называет понятие, стоит отметить, что любой из них делает это по-разному – с разной степенью точности и дифференцированности.

Дефиниция термина должна раскрывать такой набор характеристик, чтобы адресат мог их понять, даже если не все значения раскрываются⁷. Активное развитие политологической терминологии приводит к тому, что те умолчания, которые ранее были известны всем, позднее становятся непрозрачными и непонятными. Обратимся к примеру: общеславянский термин *воевода* в современном русском языке воспринимается как историзм с известным значением ‘начальник войска в Древней Руси’⁸, другое значение этого термина ‘начальник города и городского округа в Древней Руси’⁹. В современном польском языке политологический термин *wojewoda* (рус. *воевода*) используется для обозначения ‘правителя одной из крупных административных единиц (воеводств), на которые делится Польша’¹⁰, что для носителей русского языка уже является непрозрачным, поскольку в современном русском языке для обозначения ‘главы администрации субъекта Федерации (в России с 90-х гг. XX в.)’¹¹ возобновили термин *губернатор*, восходящий к латинскому *gubernator* – ‘правитель’, заимствованный через польское посредство (*gubernator*) из французского (*gubernator*)¹². Потребность в этом термине появилась в XVII веке в эпоху петровских преобразований, когда в России возникает новое административное деление¹³.

Политологическая лексика доводится до уровня системы в случае установления тесной связи дефиниций с используемыми понятиями. Без терминоведческого анализа, классификации понятий и дальнейшей разработки дефиниций мы имеем дело с неопределенной совокупностью слов – естественно сложившейся терминологией¹⁴.

В настоящем анализе упорядочение стихийной политологической терминологии особенно актуально для новейшей лексики: *майдан*, *оранжевая революция*, *арабская весна* и др., которая подвергается идеологизации в зависимости от политической позиции государства.

⁷ Мельников Г.П. Там же. С. 9

⁸ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, М.: Альфа-Принт, 2005. – С. 216.

⁹ Там же.

¹⁰ Wasiluk J., Zmarzer W. Rosyjsko-polski słownik terminologii politycznej. Warszawa 2011. – С. 127

¹¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.

¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. – М.: Прогресс, 1964-1973

¹³ Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005

¹⁴ Мельников Г.П. Там же. С.7

Чтобы ввести стихийную политологическую терминологию в терминосистему, необходимо довести ее до уровня научного осмысления, для этого, кроме классификации терминируемых понятий и разработки дефиниций, необходимо упорядочить уровень «лексиса» – осмысление и улучшение дефинированных понятий отрасли¹⁵.

Изучение и анализ реального словоупотребления политологической терминологии, установление дефиниций и грамматической оформленности политологической лексики, упорядочение стихийно сложившейся терминологии и определение ее места в составе языка являются одними из основных задач современной лингвистики.

Во второй главе "*Особенности соотношения русских и польских политологических терминов, обусловленные общностью происхождения и типологическим сходством языков*" указывается характер соотношения между родственными языками на уровне логоса – внутренней стороны русских и польских лексем со славянскими корнями (*изба/izba*), русско-польских терминологических пар со славянскими и заимствованными корнями (*посол/ambasador*) и с заимствованными корнями (*консул/konsul*). На уровне терминологической лексемы излагаются необходимые для лексикографического описания исторически сложившиеся фонетические расхождения в акустическом восприятии современной терминологии двух славянских языков, которые были обусловлены фонетическими изменениями общего материального фонда – праязыка. Основой сопоставления на уровне слова и словосочетания является типологическое сходство обоих языков.

Семантический анализ русского и польского лексического материала позволил выделить общеславянскую политологическую терминологию, называющую национальные и государственные организации и должностных лиц. В тех случаях, когда русские и польские лексические единицы имеют общий славянский корень, они обозначают разные понятия.

На примере праформы **istьba*, от которой произошла русская *изба́* (ж.р.) со значением 'теплое помещение, баня'¹⁶, польская *izba* (ж.р.) в современном употреблении называет *палату*, которая русским языком была заимствована из лат. *palatium*. Например: *верхняя палата парламента – izba wyższa parlamentu : палата депутатов – Izba Deputowanych ; торговая палата – izba handlowa*.

Разошедшиеся значения провоцируют ошибочные ассоциации у носителей родственных языков, поэтому в лексикографии необходимо совместить два принципа описания: 1) семасиологический – от обозначения к значению (учитывая семантическую структуру единиц и сдвиги в лексическом значении)

¹⁵ Мельников Г.П. Там же. С.5

¹⁶ Фасмер М. Там же.

и 2) ономазиологический – от плана содержания к плану выражения (от явления к мысли об этом явлении). При ономазиологическом лексическом описании слова располагаются не по алфавиту, а по смысловой общности, близости.

рус. <i>изба</i> → ‘деревянный крестьянский дом’	‘название представительного законодательного учреждения’	→ рус. <i>палата</i>
польск. <i>izba</i> → ‘название представительного законодательного учреждения’		→ польск. <i>izba</i>

Рис. 1. Семантические сдвиги в русской и польской терминологии славянского происхождения

Русская и польская политологическая терминология с одинаковыми праславянскими корнями, которая в современном русском языке расценивается как архаичная, в польском – может активно употребляться и обозначать современные политические реалии и наоборот, сравните: *урядник* (м.р.) – *urzędnik* (м.р.); *чинóвник* (м.р.) – *czynównik* (м.р.) и др. Таким образом, процесс архаизации политологической терминологии не совпадает в обеих терминосистемах:

вече (с.р.) – ‘собрание горожан в Древней Руси’¹⁷

wieć (м.р.) – ‘массовое собрание жителей для обсуждения текущих политических событий’¹⁸

В терминологических парах, образуемых славянскими и заимствованными корнями, например: *посол* – *ambasador*; *poseł* – *депутат*, наблюдается сдвиг значений в словах славянского происхождения: **posъlati* – *посól* ‘дипломатический представитель’: *poseł* ‘член парламента’ (Рис. 2.).

‘дипломатический представитель’	→ польск. <i>ambasador</i>
	→ рус. <i>посол</i>
‘член парламента’	→ польск. <i>poseł</i>
	→ рус. <i>депутат</i>

Рис.2. Семантические сдвиги в русско-польской терминологической паре славянского и западноевропейского происхождения.

Терминологические пары, образуемые лексемами общеславянского происхождения, в русском и польском языках претерпели семантические расхождения, и за счет этого идет сдвиг обозначений в русской и польской терминосистемах.

В большинстве случаев одно и то же политологическое понятие в русско-польской терминологической паре передается в обоих языках терминами,

¹⁷ Ушаков Д.Н. Там же.

¹⁸ В оригинале: «masowe zgromadzenie ludności w celu przedyskutowania aktualnych wydarzeń politycznych» Łepkowski T. Słownik historii Polski, Warszawa 1973, s. 527.

которые были без изменения заимствованы из латинского, французского, немецкого и английского языков: *кóнсул/kónsul* (лат. *consul*); *либерализм/liberalism* (фр. *libéralisme*); *гастарбайтер/gastarbajter* (нем. *gastarbeiter*); *митинг/miting* (англ. *meeting*). В заимствованной терминологии у носителей родственных языков не возникает ошибочных ассоциаций, сравните:

‘дипломат, репрезентирующий интересы своего государства в другой стране’	└─▶	рус. <i>консул</i>
	└─▶	польск. <i>konsul</i>

Рис. 3. Заимствованная терминология с совпадающими обозначениями

Изучив историю появления слов в русском языке, нам удалось выделить польскую лексику, которая явилась для русского языка источником заимствований из западноевропейских языков: «<...> Влияние русского литературного языка на западнославянские вообще не особенно значительно <...> Обратное влияние западнославянской (чешско-польской) литературно-языковой традиции на русскую было гораздо сильнее».¹⁹

Сопоставление заимствованных русским языком «ополяченных» форм: *право* – *prawo*; *духовенство* – *duchowieństwo*; *обыватель* – *obywatel*; *мещане* – *mieszczanie*, как и соответствующих чешских слов: *právo*, *duchovenstvo*, *občan*, *mešťan*, которые, в свою очередь, являются кальками с других западноевропейских языков, сравните: нем. *recht* – чеш. *právo* – польск. *prawo* – рус. *право* : нем. *geistlichkeit* – чеш. *duchovenstvo* – польск. *duchowieństwo* – рус. *духовенство* : нем. *bewohner* – чеш. *občan* – польск. *obywatel* – рус. *обыватель* : нем. *bürgertum* – чеш. *mešťan* – польск. *mieszczanie* – рус. *мещане*.

Сопоставление показало, что русские и польские термины, заимствованные из западноевропейских языков, сохранили однородную систему обозначений. Именно поэтому перечисленные выше лексические единицы не представляют трудностей в восприятии для русскоязычного и польскоязычного слушателей.

На уровне лексиса родство между русским и польским языками устанавливается в результате выявления регулярных звуковых соответствий исконных соотносительных корневых и аффиксальных морфем. Расхождения в фонетическом облике на уровне русской и польской политологической терминологемы славянского происхождения обусловлены хронологической неравномерностью общих фонетических процессов праславянского периода.

¹⁹ Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре, «История. Язык. Культура», М. 1995 (URL: <http://www.angelfire.com/nt/oboguev/images/nstslav.htm>, дата обращения: 20.01.2018)

На протяжении всей истории развития фонетической системы русского и польского языков происходило упрощение системы вокализма и постепенное подчинение его все усложняющейся системе консонантизма. Русский и польский консонантизм опирается на признаки глухости-звонкости, твердости-мягкости, места и способа образования звука. В вокализме первоначально усиливается противопоставление гласных по долготе и краткости, а затем данная оппозиция утрачивается. Общеславянским фонетическим изменением является замена праславянской интонационной системы экспираторным ударением. В польском языке устанавливается фиксированное ударение, которое, в отличие от подвижного русского, практически всегда ставится на предпоследний слог: *posól* – *pósel*; *delegám* – *delégat*; *maršál* – *marszálek*. На уровне терминологии в характере фиксированного ударения проявляется большая степень аналитизма польского языка по сравнению с русским языком.

Особенностью польского языка является наличие носовых гласных дифтонгического происхождения, утраченных в восточнославянских языках: Ж (**o*) = *a* [oⁿ] – *przewodniczący* [pševod'nič^Ńcy] (рус. 'председатель'); А (**e*) = *e* [ɛⁿ/o] – *książe* [kš^ŃžE] (рус. 'принц').

Сопоставление русских и польских политологических терминов необходимо рассматривать как лексику двух генетически сходных языков, в которой образование и актуализация терминов происходит по сходным словообразовательным моделям. При формально-грамматическом анализе необходимо учитывать русские и польские термины, которые, чаще всего, мотивируются глаголами, прилагательными и существительными с помощью совпадающих в русском и польском языках формантов, например: *-ость* (*авторитарность*), *-ość* (*autorytarność*); *-ание* (*голосование*), *-anie* (*głosowanie*); *-ация* (*либерализация*), *-acja* (*liberalizacja*); *-тор* (*агитатор*), *-tor* (*agitator*); *-ство* (*гражданство*), *-stwo* (*obywatelstwo*) и др. В ходе анализа обнаружилось различие в русском и польском словообразовании при заимствованиях из английского языка, например, тенденция замены суффикса *-изм/-izm* (от лат. **ism*) в польском языке английским *-ing*, ср.: рус. *лоббизм* и польск. *lobbing*. Префиксальное словообразование в области политической терминологии актуализируется прежде всего в области существительных, как то: *нео-неоколониализм* и *neo- neokolonializm*; *контр- контрреволюция* и *kontr-kontrewolucja*; *анти- антиглобализм* и *anty- antyglobalizm* и др. Здесь системность русских и польских терминов совпадает как во внешней, так и во внутренней стороне термина.

Несовпадения на формально-грамматическом уровне слова наблюдаются в интернациональных терминологических парах, которые имеют сходное значение, но отличаются по родам, например: *пикет* (м.р.) – *pikieta* (ж.р.);

монополия (ж.р.) – *monopol* (м.р.); *мэрия* (ж.р.) – *merostwo* (с.р.) и др. Русские и польские лексемы с общими славянскими корнями по роду совпадают, например: *посол* (м.р.) – *poseł* (м.р.); *чиновник* (м.р.) – *czynownik* (м.р.); *урядник* (м.р.) – *urzędnik* (м.р.).

Кроме того, в терминологии русского и польского языков наблюдаются несовпадения в обозначениях должностных лиц женского пола: в польском языке широко распространена тенденция образования женского рода от заимствованных западноевропейских существительных мужского рода: *kanclerz* (‘канцлер’) – *kanclerka*. В отличие от польского, в русском языке имя женского рода *канцлерша* и подобные употребляются в разговорно-просторечной сфере и имеют негативную стилистическую коннотацию. Межъязыковая асимметрия плана содержания сходных по внешней форме слов, но имеющих эмоционально-оценочные коннотации приводит к стилистическому сдвигу и доставляет трудности при переводе с польского на русский язык и наоборот²⁰.

Среди заимствований встречаются слова, которые в русском языке относятся к категории *pluralia tantum*: *выборы/wybory*. В русском языке данная форма употребляется чаще; аналогичные польские единицы выступают как в единственном, так и во множественном числе, ср.: рус. *дебаты* (мн. ч) и польск. *debaty* (мн. ч.) – *debata* (ед.ч.).

Несмотря на общую для отдельных сходных моделей словообразования продуктивность, наблюдается нетождественность аббревиации заимствованных словосочетаний. Стоит обратить внимание, что значительное количество многокомпонентных политологических терминов выступает в форме аббревиатур, которые сохраняют качества термина – имеют структурированные дефиниции, обозначающие специальные понятия.

Русские аббревиатуры образовались путем передачи букв английского алфавита кириллицей (транслитерация), например, англ. *UNESCO* → рус. **ЮНЕСКО**: полное название *Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры*, а в оригинале – *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*.

Аналогичны польские аббревиатуры: англ. *UNESCO* → польск. **UNESCO** (или **ONZONK**): полное название *Organizacja Narodów Zjednoczonych do spraw Oświaty, Nauki i Kultury*, а в оригинале – *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*.

Словосложение (часть основы + слово, слово + слово) характерно только для русской политологической терминологии. При этом объединяются в одну целостную лексическую единицу разные по семантике мотивирующие основы.

²⁰ Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М. 1987. С.47.

Эта особенность отмечается в официальных документах и СМИ, но не фиксируется в политологических словарях. Например:

Минпромторг → *Министерство промышленности и торговли* (польск. *Ministerstwo Przemysłu i Handlu*),

Минобороны → *Министерство обороны* (польск. *Ministerstwo obrony*);

Совбез ООН → *Совет Безопасности ООН* (польск. *Rada Bezpieczeństwa ONZ*).

Подобные сокращения необходимо учитывать для корректного понимания политологических словосочетаний, а также для перевода документов и публицистических текстов с русского на польский и с польского на русский язык.

Общеславянские слова в русском и польском языках претерпели семантические расхождения, чего мы не наблюдаем в лексике, заимствованной из западноевропейских языков, в которой в большей степени сохраняются качества терминосистемы. Таким образом, полагаем, что для лексикографического описания, перевода и восприятия политологических терминов носителями близкородственных славянских русского и польского языков решающими оказываются типологическое подобие на уровне слова и словосочетания, звуковые различия на уровне терминологической семы, как и семантические расхождения слов общеславянского происхождения.

В третьей главе *«Новейшая стихийно возникающая политологическая терминология: проблема идеологизации термина»* рассматривается не имеющая четких, структурированных дефиниций новейшая стихийно возникающая политологическая терминология, на значения которой влияет политологическая конфликтность российского и польского государств. Значения уточняются по контексту российских и польских текстов СМИ, которые сравниваются с результатами ассоциативного эксперимента.

Для обозначения текущих политических событий в терминологическом образовании важную роль играет символ, например, в названии *цветных революций* (польск. *kolorowe rewolucje*) содержится указание на цвет или цветок: *оранжевая* (на Украине), *пурпурная* (в Ираке), *шафрановая* (в Мьянме) – от цветной атрибутики (ленты, шарфы и флажки) демонстрантов, а революция *тюльпанов* (в Кыргызстане), *роз* (в Грузии), *гвоздика* (в Португалии), *лотоса* (в Египте) – от национальной символики государств или цветов, которые демонстранты приносили в качестве знамен. Кроме того, к числу «цветных» начали также относиться и революции, не имеющие символа-цвета: *арабская весна* (от «Весны народов» с 1848-1849 г.г.), *майdan* (от названия площади где проходили демонстрации в Киеве), *бульдозерная* (после штурма здания «Радио и телевидения Сербии» бульдозерами), *зонтиков* (демонстранты в Гонконге).

использовали зонты против слезоточивого газа)²¹. Символ в пласте современной политической лексики с течением времени становится непонятным, непрозрачным, а классификация понятий разрушается.

Организация семантической структуры стихийно возникающей политической терминологии зависит от публицистической направленности текста, которая подчиняется выполнению двух основных функций – информационной и воздействующей. Воздействующая функция реализуется в рамках социальной оценочности, которая опирается на существующие в обществе нормы морали, следовательно, отличительной чертой стихийно возникающего термина является аксиологичность. В особенности это справедливо для понятий политической лексики, которые подвергаются идеологизации и зависят от политического мировоззрения отдельного государства. Система обозначений разрушается, и терминосистема наполняется своеобразной стихийно возникшей терминологией. Стоит обратить внимание, что стихийно складывающаяся политологическая терминология обозначает политические процессы, которые характеризуют длительный промежуток времени и оказывают влияние на международную ситуацию.

Чтобы преобразовать стихийную терминологию в терминосистему, для этого необходима разработка дефиниций, классификация и систематизация терминируемых понятий.

В терминоведческом анализе, уставляющем логос для стихийно формирующихся политических терминов, учитывались контекстуальные значения из русско- и польскоязычных текстов СМИ, которые сравнивались с результатами опроса – ассоциациями, определяющими значения подразумеваемого содержания.

В рамках ассоциативного исследования, проведенного в период с 14.02.2018 по 12.03.2018, была организована опытно-экспериментальная работа. В исследовании был использован устно-письменный метод – стимул предъявляется в устной форме, реакция записывается. Испытуемым в ответ на слово-стимул в свободной форме было необходимо записать первое пришедшее в голову слово или словосочетание. Экспериментальную выборку составили российские и польские студенты первого и второго курсов филологических факультетов Российского университета дружбы народов (Москва, Россия), Университета Яна Кохановского (Кельце, Польша). Количество студентов в экспериментальной группе составило 85 студентов в России и 85 в Польше.

На материале, полученном в ходе ассоциативного эксперимента, анализировались лексемы, обозначающие современные политические события и поменявшие свое первичное значение, например: *санкция, мигрант, беженец,*

²¹ Воронина Д.Е. Феномен «цветных революций» в российской политической коммуникации. Журнал «Международные коммуникации». №4(9), М: МГИМО МИД России. 2018.

либерализм, феминистки. Одновременно уточнялись понятия, незафиксированные в политологических словарях: *арабская весна, цветная революция, оранжевая революция, майдан, зеленые* и др. При сопоставлении контекстуальных значений с результатами ассоциативного эксперимента была обнаружена большая степень политизированности и отрицательных ассоциаций для русской лексики, в польской – замечаем значительное количество положительных коннотаций и ассоциаций.

Показательным примером лексемы, зафиксированной в современных политических словарях, служит русская лексема *санкция* и польская *sankcja*, словарные дефиниции которых различают два понятия:

- 1) ‘утверждение чего-либо высшей инстанцией, разрешение’;
- 2) ‘форма наказания за несоблюдение законов’²².

Учитывая современные политические события, возникла необходимость уточнения дефиниции.

В современном политическом пространстве *санкции* применяются против России, в подавляющем большинстве случаев российские публицистические источники представляют *санкции* со стороны «наказанного». В таких условиях данная единица насыщена негативными контекстуальными значениями.

В текстах польских СМИ приводится несколько значений лексемы *санкция*. Чаще всего *санкции* не касаются Польши, поэтому источники репрезентируют сторону наблюдателя. В большинстве случаев эта единица будет насыщена положительными или нейтральными оттенками. Сравним (Табл. 1):

Таблица 1

**РАЗОШЕДШИЕСЯ КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ
САНКЦИЯ/SANKCJA
В РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ТЕКСТАХ СМИ**

САНКЦИЯ в российских СМИ	SANKCJA в польских СМИ
- ‘это война’	- ‘это хорошо’
- ‘это угрожает’	- ‘это легально’
- ‘это фанатизм’	- ‘это эффективно’
- ‘это пропаганда’	- ‘это ограничения’
- ‘это запрет’	- ‘это разбирательство’
- ‘это абсурдно’	- ‘на них не могут решиться’
- ‘это приносит урон, ущерб’	- ‘их хотят отменить’
- ‘это мешает дружеским отношениям и сотрудничеству’	- ‘их вводят неохотно’

Семантические расхождения указывают, что на формирование политических понятий непосредственно влияет государственная идеология,

²² Wasiluk J. Там же.

семантические сдвиги подтверждаются ассоциативным экспериментом (Табл. 2).

Таблица 2

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ *САНКЦИЯ/SANKCJA*, РАЗРАБОТАННЫЕ В ХОДЕ ОБРАБОТКИ РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

<p>санкция – Америка 17; Россия 8; запрет 7; ограничение 5; сыр 5; глупость; Евросоюз; против России; Украина 3; законы; кризис; налоги 2; ветчина, вред, временно, дезинформация, ерунда, запрет на ввоз, злость, конфликт, лишения, наказание, НАТО, отмена, ошибка, политика, Порошенко, против, Путин, утешение собственного эго, эмбарго 1; 85+39+1+27</p>	<p>sankcja – kara 20 (наказание); Rosja (Россия) 19; Unia Europejska (Европейский Союз) 9; ONZ (ООН) 6; cięcie (сокращение), kara i zbrodnia (наказание и преступление), owoce (фрукты), pieniądze (деньги), prawo (закон), produkty (продукты), Putin (Путин), więzienie (тюрьма), zakaz (запрет) 1; 85+36+5+7</p>
<p>['несправедливо']</p>	<p>['наказание за нарушение закона']</p>

Результаты ассоциативного эксперимента подтверждают следующий вывод: учитывая расхождения российских и польских политических взглядов, в обоих языках наблюдается разрушение системы обозначений в сфере современной политической лексики. Установить верную для данного текста трактовку отдельных дефиниций становится возможным, только если учитывать смыслоформирующий контекст, поскольку опора на значения, зафиксированные в словарях, может привести к значительным искажениям в понимании текста.

Контекстуальные значения фиксируют изменения, происходящие в общественном сознании, и предопределяет направление дальнейших преобразований, что материализуется, в том числе, в трансформации зафиксированных словарями значений слов: слово может приобретать дополнительные, ранее не свойственные ему коннотации, либо дополнительное значение, которое в некоторых случаях полностью замещает значение, ранее зафиксированное в словарях.

Несмотря на то, какое именно определение термина *санкция* характеризует интересы отдельных государств, можно вывести общее значение, которое только частично совпадает с одной из словарных дефиниций: 'форма наказания за несоблюдение законов' – это мера наказания государств, кампаний, организаций, юридических и физических лиц, эффективность, которой зависит от сферы влияния участников конфликта.

Ассоциативный эксперимент позволяет подтвердить степень идеологизированности обыденного сознания среднестатистического носителя языка. Ассоциации не совпадают с контекстуальными значениями, зафиксированными в СМИ, в тех случаях, когда политическое событие – на

текущий момент – не является самым обсуждаемым, например: *арабская весна, зеленые, кризис*.

Данная разработка поможет в дальнейшем составить предварительную классификацию понятий, сформулировать дефиниции, а затем довести новейшую стихийно сложившуюся терминологию до уровня терминосистемы.

Теоретические проблемы изучения политологической терминологии определяются не столько сложностью и нерешенностью ряда общих терминоведческих проблем, сколько особым статусом политологии как науки, т.е. той области научного знания, к которому относятся эти термины.

Выявленные в ходе анализа особенности политологической терминологии позволили сделать вывод, что, поскольку русская и польская политологические терминосистемы взаимодействуют с другими научными дисциплинами, попадают под влияние различных культур и политических конфликтов и являются открытыми, относительно слабо организованными системами, необходимо изучать реальные процессы функционирования политологической терминологии и не ограничиваться формальными требованиями, предъявляемыми к термину.

В **Заключении** обобщаются результаты диссертационного исследования и подводятся основные итоги.

Основные положения диссертации отражены в 6 публикациях (из них одна – Scopus/WoS, три – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ):

1. **Козловская Е.С., Кобылко Я., Медведев Е.Ю. Смыслоформирующая функция контекста в публицистических текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – М: РУДН. – 2019. – № 1. – С. 165-184. (Scopus/WoS)**
2. **Кобылко Я. Русско-польская общеславянская терминология в политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М: РУДН. – 2018. – № 1. – С. 213-222. (ВАК)**
3. **Кобылко Я. Формально-грамматический анализ политической лексики // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – М: МГОУ. – 2018. – № 2. – С. 323-329. (ВАК)**
4. **Кобылко Я., Муслах Хусам А. Р. Стратегия убеждения, формирующая семантические значения политологической терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2018. – № 6. – С. 352-355. (ВАК)**
5. **Кобылко Я. Политический дискурс в современном коммуникативном пространстве // Языки. Народы. Культуры: Альманах научных статей.**

- Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых (Москва, 28 октября 2017 года). – Москва: РУДН. – 2017. – С. 67-71.
6. Кобылко Я. Структура политического дискурса // Язык. Право. Общество. Материалы IV Международной научно-практической конференции (Пенза, 11-13 октября 2016 года). – Пенза: ПГУ. – 2016. – С. 222-224.

Кобылко Ярослав (Польша)

**Русская и польская политологические терминосистемы
(по материалам современной лексикографии и текстов СМИ)**

Диссертационное исследование посвящено изучению особенностей становления и соотнесения русской и польской политологических терминосистем. Материалом исследования послужили современная лексикография и тексты СМИ.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении семантики русской и польской политологической терминологии, на которую влияют культурные и политические стимулы российского и польского государств. Сопоставительный анализ русских и польских политологических терминосистем основывается на учете генетического родства языков, типологических сходств и различий, культурных и идеологических расхождений России и Польши. В диссертации предложена концепция разработки двуязычных политологических словарей, в которых будут уточнены содержания понятий и указаны лингвистические особенности соотнесения членов терминологической пары.

Результаты и материалы проведенного исследования могут быть использованы в лекционных курсах по сравнительной лексикологии, сравнительно-типологическому языкознанию, теории и практике перевода, славяноведению и межкультурной коммуникации.

Kobyлко Jaroslaw (Poland)

**Russian and Polish political terminological systems
(based on modern lexicography and media texts)**

The thesis is devoted to revealing the peculiarities of formation and correlation of Russian and Polish political terminological systems. The material of the study is the modern lexicography and media texts.

The theoretical significance of the research consists in the development of the semantic portrait of the political vocabulary of related genetically languages under typological similarities and differences, cultural and ideological differences between Russia and Poland. The thesis proposes the concept of the bilingual political dictionaries, which is to clarify the content of definitions and linguistic features of Russian and Polish political terminology.

The results and materials of the research can be used in lecture courses on comparative lexicology, comparative-and-typological linguistics, theory and practice of translation, Slavonic studies and cross cultural communication.